

— Ты очнулся... как себя чувствуешь? — старый лекарь, поглаживая седую бороду, добродушно посмотрел на него.

Чжао Чжэнъань побледневшим лицом уставился на него и с трудом выдавил:

— Голова... ужасно болит. Будто сейчас расколется.

Словно крошечный молоточек без устали стучал внутри черепа — глухо, настойчиво, не давая покоя. Ему не хотелось ни двигаться, ни говорить — даже это казалось непосильным.

Лекарь нахмурился, внимательно разглядывая его. И правда... что-то в нём изменилось.

— Ты... правда вспомнил своё прошлое?

— Мг. Сейчас, кроме слабости в теле, я чувствую себя так же, как раньше, — равнодушно ответил Чжао Чжэнъань.

Он не пытался казаться холодным — просто даже выражение лица требовало усилий, на которые у него не было сил.

— Протяни руку, я проверю пульс.

Прошло некоторое время...

Старик наконец отпустил его запястье и медленно произнёс:

— Твоё тело восстанавливается довольно хорошо, но травмы были серьёзными. Впредь тебе нужно беречь себя: больше отдыхать, не браться за тяжёлую работу. Сейчас тебе необходимо как следует восстановиться...

Он на мгновение замялся, затем продолжил:

— Что касается твоей головы... боюсь, это может быть последствием травмы. Такие случаи редко полностью излечиваются, поэтому осложнения — не редкость. Пока трудно сказать наверняка. Я выпишу тебе лекарство — оно немного облегчит боль. Но если со временем не пройдёт... тогда, увы, я буду бессилён.

В его голосе звучала искренняя беспомощность. Он был всего лишь деревенским лекарем — не тем, кто способен возвращать людей с того света.

Чжао Чжэнъань промолчал.

Если бы его спросили, что он думает о возможных последствиях, он бы ответил просто — ничего. Уже то, что он выжил и пришёл в себя, казалось чудом. Сам лекарь сказал: такие, как он, редко оправляются полностью. Значит, расплата в виде боли — вполне закономерна.

За эти годы он усвоил одну истину: в этом мире не бывает ничего бесплатного.

И сейчас... он был доволен.

Даже такой жизнью.

— А он? — вдруг тихо спросил Чжао Чжэнъань.

— Кто? А, ты про своего мужа? — лекарь оглянулся. — Хм? Только что ведь был здесь... наверное, вышел. Хочешь, я позову его?

Чжао Чжэнъань опустил густые ресницы, скрывая мелькнувшие в глазах чувства.

— Не нужно.

Он знал: тому тоже нужно время — чтобы принять, разобраться, понять.

И он был готов это время дать.

Старик кивнул, ещё раз обошёл его, словно изучая редкость, и время от времени тяжело вздыхал. Лишь спустя долгое время он, будто поражённый чем-то, вышел.

Чжун Цзыци уже вернулся и, заметив его, сразу шагнул навстречу:

— Ну как? Что скажете?

Тот, не отвлекаясь от сбора трав, ответил:

— Его тело всё ещё слабо, но он идёт на поправку. То, что он очнулся, — уже хороший знак. Однако...

— Однако что? — перебил его Чжун Цзыци, не скрывая тревоги.

Почему эти люди не могут говорить прямо? В такой момент ещё и тянут — хоть с ума сходи!

Лекарь вздохнул:

— Однако, хоть разум к нему и вернулся, могут остаться последствия. Он жалуется на сильную головную боль. Я не могу точно сказать причину — возможно, это из-за травмы головы. Нужно понаблюдать несколько дней. Если не пройдет... боюсь, я ничем не смогу помочь.

Чжун Цзыци застыл.

Он и представить не мог, что всё обернётся такой запутанной проблемой. Последствия травмы?.. В современном мире, в фильмах и сериалах, он, конечно, не раз видел подобное — слепота, глухота, нервные расстройства и прочее. Но тогда это казалось чем-то далёким, почти нереальным, чем-то вроде драматического приёма.

А теперь это случилось на самом деле.

И у него вдруг появилось странное, упрямое предчувствие — это точно последствия. Не спрашивайте почему. Он мог объяснить это только одним: интуицией... интуицией гера.

Он вспомнил, как раньше у Чжао Чжэнъаня и без того время от времени болела голова. А теперь, после повторной травмы... могло случиться что угодно.

Мысли перепутались, чувства смешались — на душе стало тяжело, до боли.

— Куда ты ходил? — спросил лекарь.

— Я... я... никуда, — запинаясь, ответил Чжун Цзыци.

Старый лекарь закончил собирать травы и велел ученику отнести их вариться.

— Он только что спрашивал о тебе. Зайди к нему.

— А... хорошо.

В груди Чжун Цзыци вспыхнуло что-то тёплое — радость, смешанная с тревогой. Подойдя к двери, он замер, нерешительно топчась на месте, не решаясь войти.

И только услышав изнутри тихий, почти неслышимый кашель, он больше не выдержал и поспешил внутрь.

— Как ты? — он распахнул дверь и быстро подошёл к кровати, забыв о своей недавней нерешительности.

Увидев нахмуренные брови и бледное лицо, он почувствовал, как сердце болезненно сжалось.

Когда он уходил, Чжао Чжэнъань тоже хмурился — тогда Чжун Цзыци решил, что тот просто недоволен. Кто бы мог подумать, что это была боль...

— Всё в порядке, — тихо сказал Чжао Чжэнъань.

И не отводя взгляда, уставился на него.

Чжун Цзыци тут же смутился.

Когда Чжао Чжэнъань ещё был не в себе, он смотрел на него точно так же — открыто, прямо, без тени стеснения. Тогда это ничуть не смущало. А теперь...

Теперь его будто обдало жаром — лицо и уши вспыхнули.

— Я... я могу помассировать тебе голову... может, станет легче? — запинаясь, пробормотал он, отводя взгляд.

— Хорошо, — уголки губ Чжао Чжэнъаня чуть приподнялись. Он приподнялся на локтях. — Сядь у изголовья.

Чжун Цзыци, не до конца понимая, зачем, всё же послушно сел.

И тут Чжао Чжэнъань слегка сдвинулся, устроился поудобнее... и вдруг просто уложил голову ему на колени.

Чжун Цзыци вздрогнул от неожиданности.

Он уставился на голову, лежащую у него на бёдрах. Чжао Чжэнъань прикрыл глаза, его лицо расслабилось, дыхание стало ровнее.

И в этот момент Чжун Цзыци словно прокололи иглой — вся его тревога, напряжение и страх разом сдулись, как воздух из надутого шара.

Он медленно поднял руки, нерешительно опустив их на густые, чёрные, блестящие волосы. Пальцы осторожно легли у висков, мягко надавливая круговыми движениями. Всё-таки удар пришёлся по голове — если бы он по-глупому стал мять прямо повреждённое место, стало бы

только хуже.

Спустя некоторое время Чжун Цзыци с облегчением заметил, что на лице Чжао Чжэнъяня появилось выражение явного удовольствия — словно сытый кот, лениво наслаждающийся лаской. Убедившись, что это помогает, он стал массировать чуть увереннее, чуть старательнее.

В комнате воцарилась тишина.

Они оба молчали — лишь их дыхание переплеталось в этом покое, размеренное, почти синхронное, словно между ними уже существовало негласное понимание. Они просто наслаждались редким мгновением тишины и близости.

И вдруг...

— Гррр...

Странный звук нарушил тишину.

Он донёлся из живота Чжао Чжэнъяня.

Тот, кто до этого лежал с закрытыми глазами, открыл их. Руки Чжун Цзыци на мгновение замерли, а затем он с улыбкой посмотрел на него:

— Ты проголодался? Я схожу принесу тебе что-нибудь поесть.

Чжао Чжэнъянь, не меняясь в лице, кивнул:

— Хорошо.

Чжун Цзыци заметил, как у него слегка покраснели уши, но ничего не сказал. Спокойно помог ему лечь поудобнее, устроив голову на подушке, так же спокойно вышел за дверь, так же спокойно поприветствовал лекаря...

И тут не выдержал.

— Пхф!

Это было слишком забавно!

Смущается — и при этом делает вид, будто ничего не произошло... Чжун Цзыци едва сдерживал смех. В такие моменты Чжао Чжэнъянь казался ему невероятно близким, почти родным. Та неловкость, что раньше стояла между ними, словно сама собой растворилась.

Посмеявшись вдоволь, он наконец успокоился.

На улице было полно лавок с едой. Чжун Цзыци выбрал одну, где продавали кашу, заказал большую миску рисовой каши и небольшую тарелку солений, после чего поспешил обратно.

Чжао Чжэнъянь хотел есть сам — не желал выглядеть беспомощным. Но когда он, держа миску, начал заметно дрожать, будто в любой момент готов был её уронить, Чжун Цзыци не выдержал:

— Давай я тебя покормлю. Ты ещё не восстановился, тебе нельзя перенапрягаться.

Чжао Чжэнъань: «...»

Он ведь не таскал мешки с зерном — всего лишь держал миску... Однако он вовсе не возражал против такого обращения со стороны своего мужа. Ну и пусть сейчас он кажется слабым — это ненадолго. Позже он ещё докажет всё делом.

А пока... такой шанс сблизиться с супругом он упускать не собирался.

После еды Чжун Цзыци убрал посуду, затем нахмурился, глядя на лежащего в постели мужчину, бледного как полотно:

— Сильно голова болит?

Чжао Чжэнъань мягко улыбнулся:

— Нет.

— Врёшь, — Чжун Цзыци чуть повысил голос.

Лоб мужчины был покрыт потом — и явно не от той тёплой каши.

Они встретились взглядами. Спустя несколько секунд Чжао Чжэнъань сдался:

— Немного болит. Ничего страшного, скоро пройдёт.

— Ты меня за ребёнка считаешь? Думаешь, так легко меня провести? Врач мне всё рассказал — зачем скрываешь? — недовольно сказал Чжун Цзыци, поджав губы и слегка надувшись.

Голос Чжао Чжэнъаня был слабым, но в нём прозвучала лёгкая усмешка:

— Я просто боялся, что ты меня бросишь.

Чжун Цзыци замер, застигнутый врасплох.

Это была любимая фраза того... прежнего Чжао Чжэнъаня — простого, наивного, «глуповатого». На мгновение ему даже показалось, что тот вернулся. Но он знал — это невозможно. Тот Чжао Чжэнъань не стал бы говорить с ним таким тоном, с этой мягкой, почти игривой насмешкой.

Взгляд Чжун Цзыци потускнел, эмоции скрылись в глубине.

— Если... когда-нибудь ты захочешь разойтись, — тихо произнёс он, — скажи мне. Я приму твоё решение. Я не стану тебя удерживать.

<http://bllate.org/book/16132/1609204>